

Бердяницыны, которые как-будто бы продолжают линию развития еще позднеэоценовых ромбовидных дротиков²³, но это сходство достаточно условно. Действительные наконечники неолита и ямного времени отличаются более грубым, преимущественно линзовидным, а позднее ромбическим сечением, иным характером углубления (если оно вообще имеется) на тыльной стороне изделия. Для оружия катакомбного времени типична струйчатая ретушь и пильчатый край острия²⁴, которое при этом тоже остается еще достаточно толстым в сечении, — иначе говоря, это наивысший уровень в обработке камня первобытным приемом отжимания, и хотя именно в это время окончательно выработывается полукруглая выемка однообразных очертаний в основании наконечников, наш дротик по ряду признаков следует считать все-таки более поздним. Так, поразительная «уплощенность» дротика из долины р. Ингульца заставляет видеть в этом подражание хорошо известным металлическим образцам наконечников (что сразу же позволяет отказать от датировки его эпохой неолита-эоценолита), а отсутствие пильчатости края и струйчатого ретуширования, взамен которого наблюдается неравномерная широкая ретушь, позволяет отнести дротик к послекатакомбному времени.

Отметим, что некоторая небрежность в изготовлении кремневых наконечников, например, замена тонкой струйчатой ретуши широкой плоской, характеризует самый конец поздней бронзы и, в частности, указывается для инвентаря киммерийского поселения на Белозерском лимане²⁵. Все это позволяет считать как дротик, так и синхронную ему керамику второго типа изделиями X—VIII вв. до н. э.

Более того, памятники подобного типа могут встречаться и севернее — во всяком случае, на свежеспаханном поле близ станции Мудреная (то есть на территории Дзержинского района г. Кривой Рог) летом 1958 года нами также были обнаружены фрагменты лепной керамики с валиком и пальцевыми вдавлениями (рис. 1, 7), а также (в одном случае), с лощением, обломки кремня со следами искусственного раскалывания (рис. 1, 11), отбойник в виде гальки жильного кварца (рис. 1, 13) с многочисленными забойнами на узком конце, а в песчаном карьере, расположенном несколько восточнее, поднята ножевидная пластина, изготовленная из серовато-белого кварца, — прекрасная иллюстрация относительной бедности Криворожья кремнем, что принуждало мастеров эпохи поздней бронзы пользоваться таким низкосортным заменителем кремня, как мелкозернистый кварц.

²³ И. Г. Розенфельдт, Стоянка Мыс Очкинский. КСИИМК, XXXI, 1960, стр. 135—136, рис. 47, 3, 4.

²⁴ Т. В. Попова, Племена катакомбной культуры. Труды ГИМ, в. 24, М., 1960, стр. 163—165.

²⁵ О. Н. Кривцова-Гракова, Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, XXVI, 1948, стр. 85.

В. Ф. Петрунь

РАСКОПКИ В УРОЧИЩЕ ВЕРШИНА БЛИЗ С. ИЛЬИНКА, ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ В 1946—1947 гг.

Село Ильинка расположено в 25 км к северу от Одессы, на западном берегу Куяльницкого лимана, и представляет чрезвычайно интересный узел археологических памятников, расположенных как на территории современного села, так и его окрестностей. Еще до Великой Отечественной войны палеонтологической экспедицией обнаружены были в карстовой пещере остатки стоянки мустьерского времени, как определил это П. П. Ефименко и А. В. Добровольский¹. В 1946 году к западу от с. Ильинки производились раскопки курганного могильника эпохи бронзы². В том же году одновременно с М. Ф. Болтенко обнаружены были на северо-восточной окраине с. Ильинки следы поздней усатовской культуры. В 1945 г. нами совместно с П. П. Ефименко в северо-восточной части с. Ильинки, в огородах, обнаружены остатки поселения сарматского времени. В 1947 г. в юго-восточной части Ильинки, в огородах, нами обнаружены следы древнего поселения, характеризующегося сероглиняной посудой, сделанной на гончарном

¹ А. В. Добровольский, Пещера коло села Іллінка, Одеської області, «Археологія», т. IV, 1950, стр. 152—155; П. П. Ефименко, Палеолітичні пам'ятки України сучасний стан їх вивчення, «Археологія», т. IX, 1954, стр. 171—172.

² К. Бернякович, Розкопки могильника поблизу с. Іллінка, Одеської області в 1946 р., АП, т. I, 1949, стр. 145—149.

круге и украшенной прямыми, иногда пересекающимися между собой лощеными линиями.

В 1946 году Т. Г. Грицай показал нам обломки глиняной посуды из урочища, которое населением с. Ильинки называется то «Крутым обрывом», то «Глубокими оврагами», а в большинстве случаев «Вершиной», где нами и производились раскопки в 1946 и 1947 гг.

Это древнее поселение расположено на западном берегу Куяльницкого лимана, в 5 км южнее села Ильинки, в устье балки четвертичной эпохи, которая, расширяясь в своем устье, сливается со склонами, прилегающими к лиману. Терраса, создавшаяся таким образом, посередине разрезана оврагом новейшего происхождения, который разделил древнее поселение на две части: северную и южную (рис. 1).

В срезе оврага и по берегу лимана отчетливо прослеживается культурный слой, достигавший 0,75—1,50 м. В культурном слое попадалось большое количество камней, производивших иногда впечатление явно завальных, а иногда остатков примитивных кладок. Среди камней попадались камни со следами действия огня и изредка со следами трещин, разломанные зернотерки и целая ступа, сделанная из известняка. Глиняные обломки, встречавшиеся в культурном слое, были разнообразны: здесь попадались обломки посуды, сделанной на гончарном круге и от руки, а среди последних — обломки архаического облика. Обломков глиняной посуды в культурном слое сравнительно с поселениями в иных местах этого времени не так много, но обломков костей домашних животных огромное количество. К югу от древнего поселения, в вершине четвертичной балки, находится колодец питьевой воды, выкопанный, по словам старожилов, совсем недавно. Этот колодец, расположенный в вершине балки, и послужил, вероятно, основанием для названия местности — Вершина. По этой балке, приблизительно по середине ее, на восточном склоне густые заросли камыша, указывающие на наличие в этом месте пресной воды. Вероятно, в древности в этом месте находился колодец, который в настоящее время засыпан.

Древнее поселение имело приблизительно форму треугольника с высотой (по оврагу) в 350 м и основанием (по берегу лимана) в 180 м. К юго-востоку от изучаемого поселения (границей его принимаем прекращение культурного слоя), по берегу лимана, попадались обломки лепной глиняной посуды приблизительно на протяжении одного километра. Среди обломков глиняной посуды были обломки, близкие к усатовской керамике верхнего слоя, и обломки, которые можно отнести к скифскому времени. К юго-западу от исследуемого поселения, на высоком надлиманном плато, по пахоте встречается значительное количество обломков сероглиняной посуды, сделанной на гончарном круге, хорошо вылощенной и иногда орнаментированной прямыми линиями, сделанными лощением. К югу от указанного места, на этом же высоком плато, расположена группа курганов, возле которых, как рассказывают старожилы, во время пахоты находили челоушеские кости в каменных ящиках.

Раскопки в урочище Вершина велись одновременно и в северо-западной и в юго-восточной части поселения. Но в 1946 г. в центре внимания была часть поселения, расположенная к северо-западу от оврага новейшего происхождения, названная участком «А», а в 1947 г. раскопки, главным образом, производились в части, расположенной к юго-востоку от оврага, которая названа участком «Б»³.

Здесь следует отметить, что занос древнего поселения неодинаков: в юго-западной части, на участке «Б», строительные остатки выступают на поверхности, а в северо-вос-

т. II, 1949, стр. 149—159.

³ М. С. Синицин, Дослідження скифо-сарматських пам'яток під Одесою, АП, т. II, 1949, стр. 149—159.

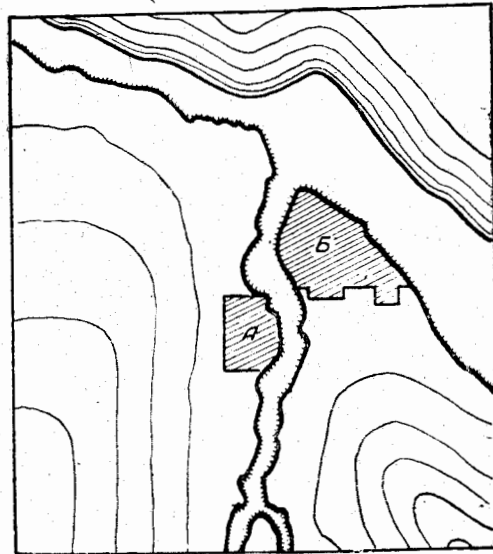

Рис. 1. Схема расположения древнего поселения в урочище Вершина.

точной они находятся под слоем в 0,25 м от современной поверхности, местами же залегание и того больше. Черноземная почва переходит в слой с сероватым оттенком на глубине иногда в 0,60 м, а иногда в 0,85 м от современной поверхности. Культурные остатки залегают как в черноземе, так и в слое с сероватым оттенком, подстилающим чернозем.

На этом месте поселение существовало со значительными перерывами в продолжении долгого времени, о чем свидетельствуют значительные стерильные прослойки между слоями. Так, между самым ранним — раннескифским периодом (возможно, поздненикитским) и последующим за ним в этом поселении — сарматским стерильная прослойка равна 0,35 м, а между сарматским и средневековым периодом (монголо-татарским) — 0,36 м.

Верхний слой, т. е. последний период существования здесь поселения, дал средневековые культурные остатки, поражающие своей бедностью. В этом слое обнаружены на участке «Б», непосредственно под поверхностью, остатки каменной кладки, сложенной из крупных камней, среди которых некоторые имели явные следы тески. Наружные и внутренние камни стен этого помещения сложены из крупных плит известняка, а внутренность между этими камнями забутована щебнем. Мощность этих стен равнялась 1,10 м—1,25 м⁴. Стены, имевшие направление с юго-запада на северо-восток, длиной 6,60 м, а с северо-запада на юго-восток — 5,60 м. Плиты, из которых сложены стены, залегают на уровне 0,30 м от современной поверхности, на уровне глинобитного пола. Находки в этом помещении и возле него, в мощном завале, на уровне оснований стен (0,30 м от поверхности), ничтожны. Здесь найдено несколько мелких обломков глиняной посуды, сделанной на гончарном круге, покрытой снаружи зеленой глазурью, и несколько обломков стенок, покрытых горизонтальными каннелюрами. Незначительные керамические находки в этом комплексе дают возможность датировать весь слой, залегающий непосредственно под поверхностью до глубины 0,30 м на участке «Б», и на глубине 0,14—0,45 м от поверхности на участке «А», средневековым. Само же поселение этого слоя можно характеризовать как татарское зимовье.

Кроме остатков этого строения, в этом же слое обнаружены следы многочисленных сгнивших деревянных столбиков, расположенных один от другого, приблизительно, на расстоянии двух метров. Столбики высотой до 0,45 м, расположенные почти по кругу, создают очертание кочевнических юрт, имевших иногда диаметр более 5 м.

Находки в этом слое (керамические и иные) ничтожны, кроме костей домашних животных, которые встречались в большом количестве.

Под слоем, отнесенным нами к средневековью, на участке «Б» четко выявлена стерильная прослойка мощностью в 0,36 м, под которой обнаружен каменный завал мощностью в 0,09 м. На участке «А» и на участке «Б» этот слой не дал выразительных стратиграфических остатков. На участке «А» к этому слою относятся глиняные пятна, возможно, остатки крупных строений и каменный вал, в котором попадались комки глины. На участке «Б» после разбора завала обнаружены остатки фундамента примитивной кладки⁵. Керамические находки, обнаруженные в этом слое, как плоская амфорная ручка, обломок серо-глиняной посуды, сделанной на гончарном круге и украшенной прямыми лощеными линиями, мелкие обломки тонкостенных и желтоглиняных сосудов, покрытых красным лаком плохого качества, и обломки лепной посуды позволили этот слой отнести к позднему сарматскому времени.

На участке «А» в этом слое обнаружен завал из незначительных (в основном) и одиночных крупных камней. Камни завала необработаны. Завал залегал на границе между черноземом и слоем с сероватым оттенком на различной глубине. В местах, удаленных к юго-западу от лимана, в том месте, где терраса переходит в подъем, ведущий к надлиманскому плато, завал этот залегал в 0,50 м от поверхности, а у оврага, ближе к лиману, он находился на глубине 1,18 м от нее. Неодинаковое залегание завала от современной поверхности объясняется рельефом местности, наклоном ее к северо-востоку, в результате чего наносной слой был неодинаков. Среди камней в завале попадались комья глины. Разбор и зачистка завала показали наличие слабо выраженных остатков строения, длина которого 16—16,50 м и ширина 7,50—8 м. Строение это было ориентировано с севера на юг и состояло из пяти камер неодинакового размера. Центральная камера с запада на восток имела протяженность 8 м, а с севера на юг 6,50 м. С севера и с юга к центральной камере примыкали по две камеры, длина стен которых с запада на восток была по 4 м, а с юга на север по 5 м⁶.

Среди находок, выявленных при зачистке завала этого строения на местах со-

⁴ М. С. Синицин, Дослідження скифо-сарматських пам'яток під Олесою, стр. 149—159.

⁵ Там же, стр. 155, рис. 5.

⁶ Там же, стр. 153, рис. 3.

нившимся глинобитном полу, следует упомянуть большое количество костей домашних животных, зерноотерки обычного типа — плоские, ступу, выдолбленную в известняке. Среди костей следует отметить большое количество бабок, из которых 6 были найдены аккуратно уложенными по 3 в ряд. Среди бабок был найден камень, которому специально придана форма и величина упомянутых шести бабок (биток). Бабки были, как правило, воловьи, а изредка и козьи.

Здесь же при зачистке завала на уровне его основания, а также в местах, прилегающих к завалу, и в других местах на той же глубине обнаружено большое количество глиняных, хорошо обработанных, различной величины камней: некоторые из них имели диаметр 0,03 м, а отдельные — до 0,10 м. Вопрос о функциональном назначении этих многочисленных камней вызвал интерес еще в процессе раскопок. Обычно эти круглые камни считаются камнями для пращи, но обилие их, мягкость породы, из которой они сделаны (известняк), и различная их величина ставят под сомнение такое объяснение. Причина камней для пращи должна быть рассчитана на среднюю силу воина, а поэтому камни должны быть приблизительно одинаковой величины. Камни диаметром в 0,03 м, безусловно, для пращи не пригодны, как слишком крупные, камни же диаметром 0,10 м слишком малы и легки, а в особенности если принять во внимание, что все они, с исключением двух, сделаны из известняка. Мягкость породы, из которой они сделаны, отрицает их предназначение для пращи, т. е. удар такого камня был бы слишком слаб. Обилие костных остатков крупного и мелкого рогатого скота явно указывает на большое значение скотоводства у жителей поселения сарматского времени, а это подкрепляет предположение, что отмеченные круглые камни были предназначены для арканов — основного снаряжения пастуха. Павсаний⁷ указывает, что у сарматов чрезвычайно большую роль аркан играл и в военном деле. Различие в величине обнаруженных камней для арканов можно объяснить различием в возрасте скотоводов-пастухов и различием величины животных, для ловли которых предназначались арканы⁸. Два типа камня средней величины, сделанные из песчаника, вероятно, являлись камнями для пращи.

Среди обломков глиняной посуды, найденных в этом слое, почетное место занимает обломок лепной сероглиняной посуды, преимущественно без орнамента: на втором слое — сероглиняная посуда, сделанная на гончарном круге со следами лощения. Количество амфорных остатков незначительно, среди них господствующее место занимают обломки стенок амфор; найдены всего лишь две амфорные ручки: одна плоская, а другая овальная. Следует упомянуть одиночные находки обломков краснолаковых сосудов (чрезвычайно плохого лака). Редко встречающаяся каменная посуда представлена в виде мисочки, разломанной на две части.

На основании обломков глиняной посуды плохо сохранившиеся остатки строения следует отнести к позднему сарматскому времени (к первым столетиям н. э.).

На участке «Б» этот же слой, мощностью в 0,08—0,12 м, залегал на глубине 0,90—1,10 м от поверхности. На участке «Б» в этом слое обнаружен почти сплошной завал, охватывающий весь раскопанный участок. Разбор завала показал, что с юго-востока на северо-запад на протяжении 23 метров прослеживается гряда камней, в которой некоторые плиты известняка хорошо уложены плашмя по прямой — это, вероятно, остаток каменной кладки. От этой кладки в северо-западной ее части к юго-западу отходит та же гряда длиной в 8 метров. В своем юго-западном конце восьмиметровая гряда поворачивает на юго-восток, т. е. принимает направление, параллельное двадцатитрехметровой гряде. От двадцатитрехметровой гряды в ее юго-восточной части в юго-западном направлении параллельно восьмиметровой гряде отходит гряда в семь с лишним метров. Эта последняя в своем юго-западном конце поворачивает к северо-западу. Таким образом, отмеченные три каменные гряды заключают пространство, северо-восточная сторона которого равняется 13 м, юго-западная — 12 м, северо-западная 8 м и юго-восточная — 7 м, т. е. намечают центральную камеру не совсем правильной формы, являющуюся частью постройки, северо-восточная стена которой сохранилась в виде двадцатитрехметровой гряды. К северо-востоку от двадцатитрехметровой гряды обнаружена группа крупных, глубоко вкопанных и хорошо утрамбованных известняковых плит, поставленных на ребро. Эта группа вкопанных камней создает прямой угол. Среди керамических находок здесь обнаружена плоская амфорная ручка, овальная амфорная ручка и обломок венчика римской корчаги.

Не останавливаясь подробно на описании лепной посуды, отметим только несколько крупных и характерных обломков.

Обломок верхней части сероглиняного крупного лепного сосуда (полевой № 462, рис. 2, 3) имеет чуть утолщенный верхний край венчика. Венчик мягко, но сильно ото-

⁷ Павсаний, Описание Эллады, I, 25, 5.

⁸ Ф. Ратцель, Народоведение, СПб., изд. IV, т. I, стр. 548.

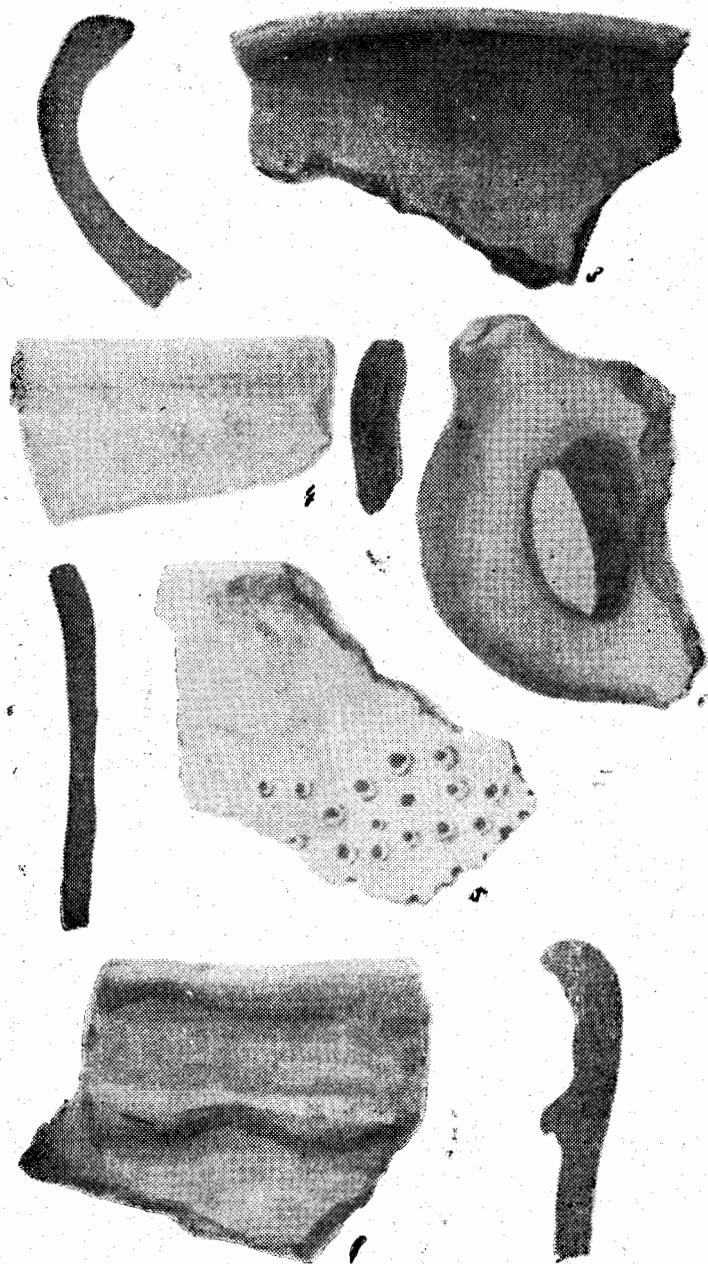

Рис. 2. Фрагменты керамики из поселения в урочище Вершина.

нут наружу. Судя по профилю, этот широкогорлый сосуд имел широкое тулово. В составе серой глины заметны крупные части толченого черепка. Поверхность старательно отглажена.

Обломок верхней части крупного лепного сосуда розовато-коричневого цвета (полевой № 515) слабо и мягко профилирован. Тулово этого широкогорлого сосуда, судя по профилю, сравнительно с его горлом было немного расширенным. В глине, из которой он был сделан, заметны вкрапления слюды и примесь шамота.

Обломок верхней части сосуда, сделанного от руки (полевой № 490) имеет прямоугольный венчик, под которым проходило незначительное углубление, сделанное, вероятно, пальцем мастера, о чем свидетельствуют несколько следов ногтя. Судя по изгибу венчика и профилю, можно думать, что сосуд был широкогорлый и большого размера. Очевидно, формой своей он напоминал украинскую макитру. Глина, из которой он был сделан, розовато-серого цвета с вкраплениями слюды и с примесью шамота.

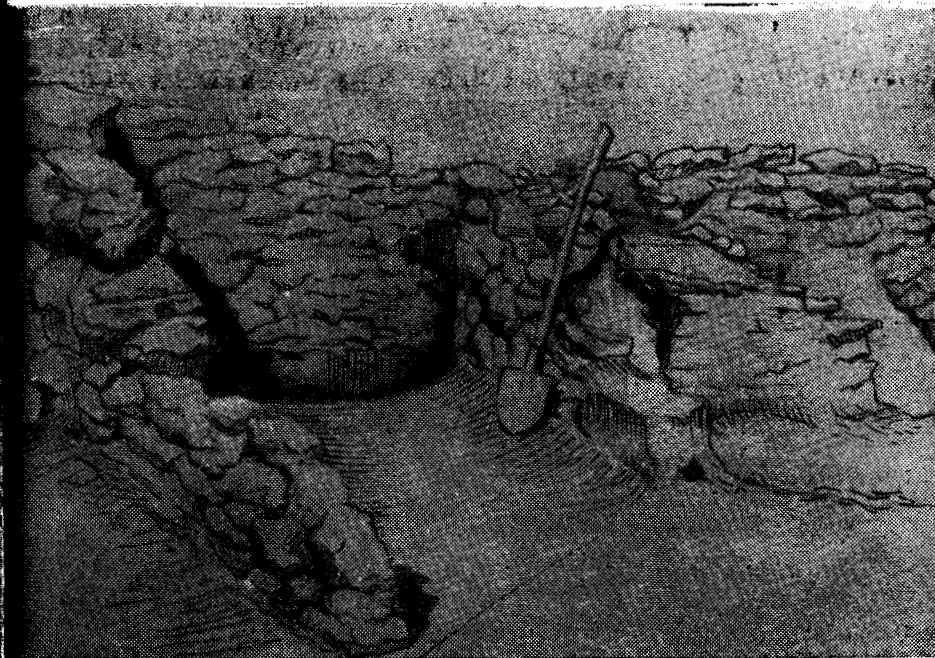

Рис. 3. Мастерская по обработке железа, открытая на поселении в урочище Вершина (рисунок с натуры).

Ручка лепного сероглиняного сосуда (полевой № 357, рис. 2, 1) сделана как бы из двух слепленных круглых, мягко изогнутых валиков. В верхней части ее выдающийся вверх выступ. Вероятно, этот выступ играл роль опоры для большого пальца. Если смотреть на эту ручку, положив ее в горизонтальном положении, то контурные линии ее производят впечатление изгиба тела хищного животного, приготовившегося к прыжку, а выступ напоминает шею хищника. Сделана ручка из серо-розовой глины с вкраплениями слюды и с примесью толченого черепка⁹.

Обломок верхней части сероглиняного лепного сосуда (полевой № 554) с чуть отогнутым наружу венчиком сравнительно хорошо обожжен. Поверхность его как внутри, так и снаружи старательно заглажена. Тулово этого слабо профилированного широкогорлого сосуда имело многочисленные дырочки, нанесенные без всякого порядка. Сосуд этот по своему функциональному назначению, безусловно, был цедильником (рис. 2, 5).

Залегание слоя и описанные керамические находки подтверждают принадлежность этого слоя к сарматскому времени, хотя каждая из керамических находок в отдельности не является достаточно выразительной.

⁹ Е. Т. Кастанаян, Сарматские сосуды из Тиритакки с ручками в виде животных, СА, XV, стр. 247—255, рис. 6, 9, 10.

Во время раскопок только в северо-восточной части участка «Б» вышли до материка, который залегал в 1,70—1,80 м, от современной поверхности. Здесь был обнаружен чрезвычайно интересный производственный комплекс — мастерская по обработке железа (рис. 3). Еще в 1946 году в водомоине чуть восточнее мастерской были найдены многочисленные куски шлаков. Этот производственный комплекс состоял из печи и стен, залегая на глубине 1,40—1,50 м от современной поверхности на полевой земле строительства. В 0,20—0,30 м ниже фундамента стен, под полевой землей времени строитель-

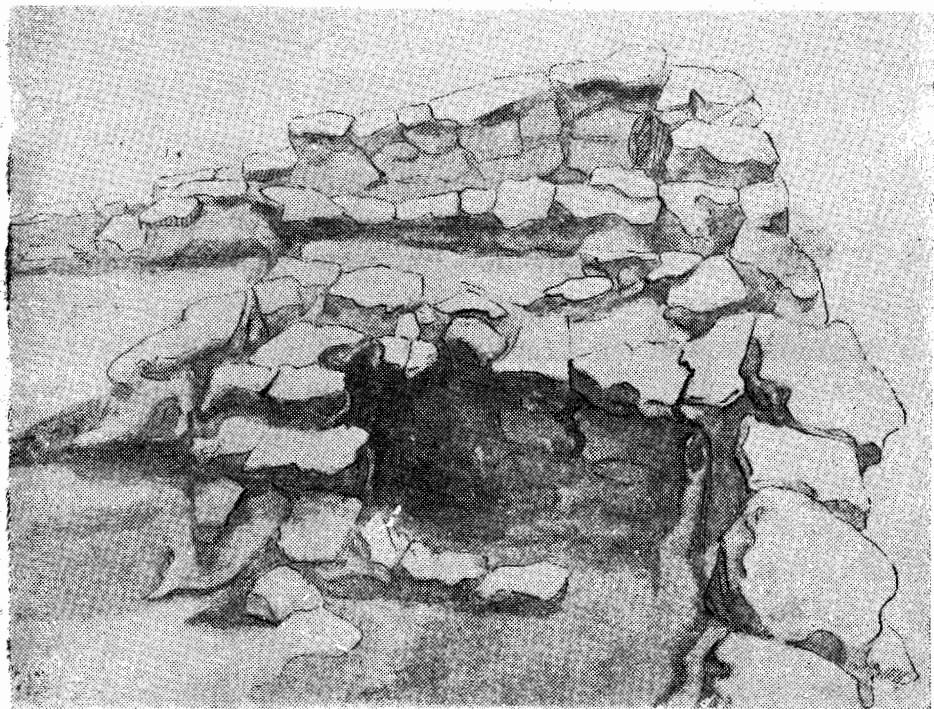

Рис. 4. Печь в мастерской по обработке железа, открытой на поселении в урочище Вершина (рисунок с натуры).

ства, залегала эоцическая глина (между слоем, в котором обнаружены культурные остатки сарматской эпохи, и слоем, в котором обнаружены остатки мастерской, был стерильный слой в 0,30—0,35 м).

Западная стена помещения мастерской сохранилась на всем протяжении, длина ее 7,10 м, южная стена сохранилась на протяжении 2,80 м, а от северной стены сохранилось только два угловых камня (рис. 5). Западная стена, наиболее сохранившаяся в северной своей части, достигает высоты 0,70 м, и основание ее залегает на глубине 1,85 м от современной поверхности. В этой части нанос был наиболее мощным. Эта стена ориентирована с юга на север и является не совсем прямой: в средней своей части она вогнута вовнутрь помещения. Южная стена наиболее сохранилась в западной части, где высота ее достигает 0,65 м. Постепенно понижаясь к востоку, она заканчивается только одним хорошо уложенным камнем. Таким образом от мастерской сохранилась нижняя часть западной стены и два прямых угла, образованных остатком южной стены и жалким остатком северной стены. Восточная стена свалилась в лиман, но по этим остаткам можно сказать, что помещение имело форму прямоугольника. Стены помещения сложены из небольших известняковых плит, положенных одна на другую в один ряд. Углы постройки сложены из специально подобранных более крупных плит со сравнительно ровными плоскостями. В пространстве между плитами известняка попадались комки глины, что дает основание думать, что камни скреплялись между собой глиной. Пол помещения сделан из хорошо утрамбованной глины.

К западной стене с востока, на расстоянии 1,82 м от южного угла помещения, приклонено основание печи, имеющее западную сторону в 2,35 м, параллельную ей восточную в 2,00 м, при длине северной стороны 2,35 м и южной 2,37 м (рис. 4). Основание

печи, сложенное из известняковых небольших необработанных плит, скрепленных глиной, находилось на глубине 1,85 м от современной поверхности. В восточной части основания печи сохранились следы известковой обмазки. Высота восточной части основания печи равнялась 0,58 м, а западной — 0,70 м. К юго-восточному углу основания печи примыкала каменная ступенька, шириной в 0,38 м, высотой 0,33 м и длиной в 0,50 м. Самой интересной является северная стена основания печи. К ней с севера во всю ее длину и высоту сооружена пристройка (рис. 5), которая соединялась с восточной стеной основания печи, являясь ее частью. Ширина этой пристройки равнялась 0,31 м. Крайний восточный камень этой пристройки, поставленный на ребро, совершенно по-

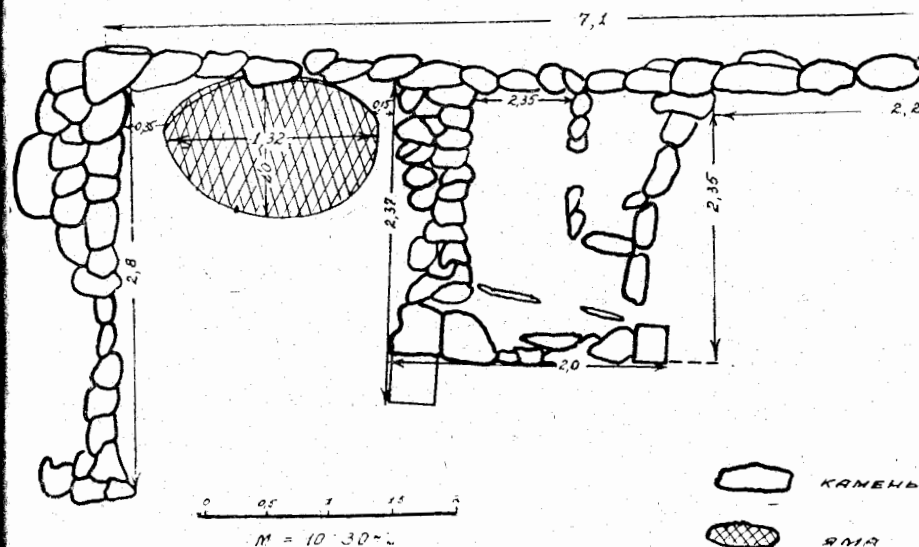

Рис. 5. План мастерской по обработке железа, открытой на поселении в урочище Вершина.

окрасневший от действия высокой температуры, растрескался. На этот большой камень, поставленный на ребро, положены плиты плашмя. Таких плит положено 8, и чем выше положена плита, тем она шире, а самая верхняя была настолько широка, что сливалась с подом печи. Некоторые верхние камни, также сильно покрасневшие от действия высокой температуры, растрескались. От пристройки хорошо сохранился только северо-восточный угол и частично северо-западный, последний был сложен несколько иначе, чем северо-восточный. Нижний камень северо-западного угла, поставленный на ребро, настолько рассыпался под влиянием температуры, что о величине его трудно что-либо сказать. В самой западной части этого угла, примыкая в западной стене постройки, поставлена узкая, длинная и тонкая плита. В средней части пристройки стена ее разрушена до основания, и камни этой части стены, вероятно, свалились внутрь пристройки, в результате чего в засыпке, состоящей из пережженной глины, золы и земли, попадались многочисленные плиты известняка, настолько перегоревшие, что они рассыпались в руках во время зачистки. Южная стена пристройки, являющаяся северной стеной основания печи, как стало видно после зачистки, в нижней части настолько обожжена, что при фиксации камней графическим способом было чрезвычайно трудно проследить границы отдельных плит — плиты растрескались.

На основании печи был обнаружен ее под и остатки свода (рис. 4). Под печи в восточной части находился в 0,55 м от уровня пола, а в западной — 0,70 м. Длина пода по южной стороне 1,00 м, по северной (до камней, поставленных на ребро) — 1,20 м. Длина восточной стороны 0,55 м, а западной — 0,65 м. Эти цифры крайне условны, т. к. ограничивающие под печи камни расположены не совсем по прямым линиям: камни, поставленные на ребро, ограничивающие под печи с востока, сильно отклонились к северо-востоку. Западная часть пода печи была сделана из глины и имела незначительные продольные углубления. Восточная часть вымощена была плоскими камнями, которые

особенно аккуратно были уложены в северо-восточном углу при переходе в сток, ограниченный с востока двумя длинными камнями, поставленными на ребро, а с запада — камнем, уложенным плашмя. Сток имел направление и уклон в сторону пристройки, соединял под печи с пристройкой.

В этом комплексе обнаружены три железные болванки и разрушенные ржавчиной железные изделия. Болванки имели форму приблизительно квадрата, стороны которых равнялись 0,13—0,15 м при толщине до 0,02 м. Железо чрезвычайно сильно окислилось, так что точное измерение болванок оказалось невозможным. Одна из болванок найдена на печке, восточнее камней, поставленных на ребро, а две другие — на полу помещения восточнее печки. Из готовых изделий следует отметить четырехугольные гвозди и, вероятно, удила, а также пластинки, возможно, остатки разрушенных ржавчиной ножей. Часть из этих находок обнаружена на печке вместе с болванкой, а основная масса — к востоку от печи, на полу помещения.

Железные болванки, разрушенные ржавчиной, и изделия из железа не дают никакой возможности хотя бы в какой-то мере датировать остатки помещения и остатки печи, обнаруженной в нем.

Керамические находки, обнаруженные в помещении, ничтожны. На полу помещения обнаружено всего два обломка глиняных сосудов, но несмотря на невыразительность одного из них, нам придется и его описать.

Обломок венчика лепного сосуда (полевой № 224, рис. 6, 8) сделан из серой глины, которая в результате обжига при переходе венчика к тулову приняла желтоватую окраску. В состав глины примешан толченый песок-ракушняк. Поверхность старательно заглажена и производит впечатление как бы обмазанной тонко отмученной глиной. Венчик сосуда мягко отогнут наружу и по верхнему краю приглажен с внутренней стороны, в результате чего профиль верхнего края его дает форму, приближающуюся к прямому углу. Обломок верхней части лепного сосуда (полевой № 226, рис. 6, 14) сделан из серой массы с примесью толченого песка-ракушняка. В результате обжига глина в выпуклостях приняла розовато-желтую окраску. Поверхность обломка обмазана хорошо отмученной глиной и старательно заглажена. Под венчиком, почти параллельно ему, нанесено одно ногтевое вдавливание и второе слабое, приблизительно на том же уровне. Выше ногтевых вдавлений намечается тонкая линия. Судя по изгибу венчика, можно предположить, что сосуд этот был значительных размеров. Толщина стенок его неодинакова: в верхней части 0,01 м, а ниже — 0,008 м. Венчик высотой в 0,025 м мягко, но сильно отогнут наружу. Под венчиком, в 0,05 м от верхнего края, расположен валик, сделанный оттягиванием глины, из которой сделаны стенки сосуда. Оттянутый валик в разрезе дает в верхней своей части тупой угол.

Внутри помещения, хотя и не на уровне пола, а в засыпке немного выше пола, найден обломок сосуда (полевой № 168, рис. 6, 12). Этот незначительных размеров обломок лепного сероглиняного сосуда сделан из глины плохого отмула и слабо обожжен. Украшен он оттянутым валиком, на котором нанесены пальцево-ногтевые вдавливания. О форме и величине сосуда на основании этого обломка невозможно что-либо сказать.

К западу от помещения железообрабатывающей мастерской, на уровне ее строительства обнаружена керамика, аналогичная найденной в помещении, а также керамика, по своей орнаментации отличная от нее. Но керамика, аналогичная найденной в помещении и отличная от нее, в датировку мастерской ничего нового не вносит, т. к. одна и другая могут быть отнесены к тому же времени, что и керамические обломки, найденные в помещении мастерской.

Обломок верхней части лепного сосуда (полевой № 382; рис. 6, 13), сделанного из серой массы с примесью песка-ракушняка, слабо обожжен. Поверхность его обмазана серой глиной хорошего отмула и старательно заглажена. Верхняя часть венчика плавно, но сильно отогнута наружу. Верхний край венчика приглажен и чуть свисает наружу. Под венчиком в 0,025 м от его верхнего края оттянутый валик, украшенный вдавливаниями до заглаживания поверхности. Этот обломок по способу орнаментации напоминает обломок, описанный выше.

Обломок верхней части сероглиняного сосуда (полевой № 553; рис. 1, 7) сделан из серой массы, но в результате сравнительно сильного обжига внутренняя и внешняя поверхность его приняла розовато-желтую окраску. В изломе его отчетливо виден серый слой — результат недостаточного обжига. Судя по изгибу венчика и толщине стенок, можно думать, что сосуд был значительных размеров. Поверхность его обмазана той же глиной, из которой сделан был сосуд, но глина для обмазки хорошо отмучена. На старательно заглаженной поверхности в глине видны слодовые вкрапления. Венчик в верхней части плавно и сильно отогнут наружу. Верхний край венчика старательно приглажен. Под верхним краем его, почти параллельно ему, следы ногтевых вдавлений, которые наносились при изменении положения пальца — то кверху, то книзу. По

венчиком, на расстоянии 0,03 м от его верхнего края, расположен оттянутый валик, который в результате приглаживания своей вершиной чуть свисает книзу. Обломок этот отличается от предшествующего обломка только лучшим обжигом.

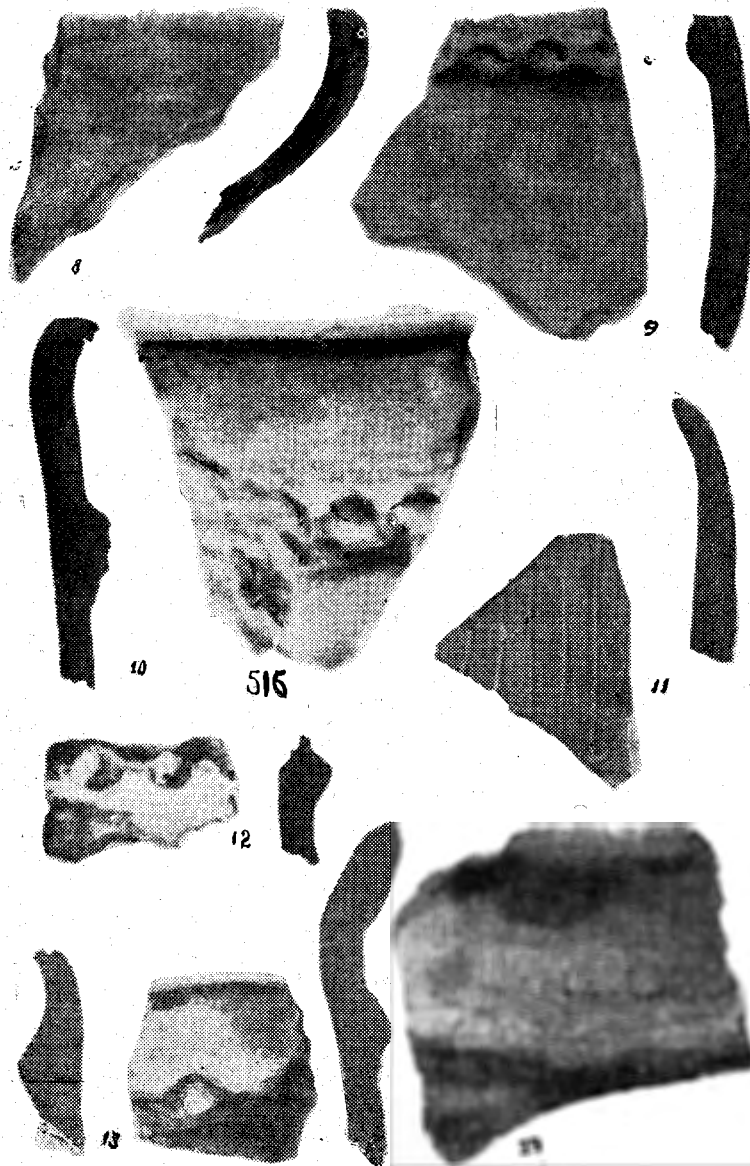

Рис. 6. Фрагменты керамики из поселения в урочище Вершина.

Здесь же найден был обломок верхней части сероглиняного лепного сосуда (полевой № 552; рис. 6, 9), сделанный из серой плохого отмула глины. Поверхность его обмазана глиной хорошего отмула. Профиль сосуда мягкий и слабый. Венчик, сливающийся с туловом, слегка отогнут наружу. Непосредственно под венчиком, оттянутый валик, украшенный вдавливаниями тупой круглой палочкой перед заглаживанием¹⁰. По

¹⁰ Domelka L., Hroby kulturni jámy skickii na Hradescu, Památky archaeologické a mistopisne, 1913, стр. 462, рис. 21, 27.

орнаменту этот обломок близок к некоторым другим обломкам (полевые номера 168, 382). Глиняная посуда такого типа известна на обширной территории на Днепре, на бани и в других местах¹¹ и обычно относится к предскифскому времени.

К западу же от описанного выше производственного комплекса найдено несколько крупных обломков сосудов, орнаментированных налепным валиком. У некоторых обломков налепной валик отпал.

Обломок верхней части лепного сероглиняного сосуда (полевой № 516; рис. 6, 1) сделан из серой массы с примесью измельченного песка-ракушняка. Местами глина в результате обжига стала розовой. Судя по изгибу верхнего края венчика, сосуд значительных размеров. Профилирован он слабо и мягко. Верхний край венчика при отогнут наружу и сверху приглажен, возможно, дощечкой. Поверхность его обмазана глиной хорошего отмула и старательно заглажена. Ниже верхнего края венчика 0,035 м от него, расположен налепной валик, ширина которого в основании достигла 0,02 м. По налепному валику нанесены вдавливания, вероятно, круглой тупой палочкой. Аналогичные обломки лепных сосудов с подобной орнаментацией нам хорошо известны из раскопок на о. Березани. Этот тип керамики на о. Березани был найден в слоях, тиреваемых греческой ионийской керамикой конца VII и начала VI вв. до н. э.

Обломок стенки лепного сероглиняного сосуда (полевой № 466; рис. 6, 11) представляет значительный интерес своей одиночностью. Он сделан из серой массы сравнительно хорошего отмула. На незначительной поверхности нанесены по сырому тесту бороздки, вероятно, тонким концом палочки. Прямые бороздки расположены почти параллельно. От самой длинной бороздки отходит под острым углом еще одна бороздка. Этот тип орнаментации сосудов встречается и на сосудах, найденных в других местах.

Таким образом, на основании обломков посуды, украшенной налепным валиком, хотя найденной и не в помещении мастерской, верхнюю хронологическую рамку мастерской можно отнести к началу VI в. до н. э.

Если верхнюю хронологическую рамку времени существования описанной мастерской можно наметить, сопоставляя находки, найденные в помещении мастерской, с уровнями пола и в прилегающих к ней местах в том же слое, со строго датированными, найденными на о. Березани, то нижнюю рамку времени существования мастерской наметить гораздо труднее.

Обломки сосудов, найденные в помещении, и обломки, найденные в местах, прилегающих к мастерской, по установившейся в археологической литературе традиции следует отнести к VIII в. до н. э. Но нахождение рядом с ними обломков глиняной посуды, которая датируется VI в. до н. э., дает право думать, что керамика, украшенная налепным валиком, может быть отнесена и к концу VII в. до н. э.

Хотя в нашей археологической литературе еще неизвестны железообрабатывающие мастерские в Северо-Западном Причерноморье, относимые к VII в. до н. э., но приведенное выше описание обломков глиняной посуды и сопоставление некоторых из них с глиняной посудой, найденной на о. Березани и в других местах, позволяют отнести нижнюю рамку времени существования описанных остатков мастерской к концу VI в. до н. э.

Хронологической рамке времени существования печи для обработки железа, отмеченной керамическими находками, противоречат данные химического анализа — наличием в железе высокого процента С (3,3%). По химическому составу наши болванки являются типичным чугуном, начало производства которого, обычно, связывается с поздним средневековьем. Но «по некоторым данным чугун был известен за 6 веков до н. э. в Китае, где благодаря природным особенностям руд было возможно получение чугуна с высоким содержанием фосфора (до 7%) и низкой температурой плавления (950°). Описания различных способов изготовления железа, оставленные Аристотелем, дают основания полагать, что в IV в. до н. э. чугун был известен в странах, прилегающих к Средиземному морю»¹³.

Противоречие в определении хронологии железоплавильной печи между временем, определенным нами на основании обломков глиняной посуды, с одной стороны, и у

¹¹ Б. М. Рабичкин, Поселение у Широкой балки, КСИИМК, X, рис. 33, 2; И. В. Фабрициус, Тясминська експедиція 1947 р., АП, т. IV, стр. 31, табл. II, 6; М. Ю. Брайтчевский, Работы на Пастерском городище в 1949 г., КСИИМК, XX, рис. 45, 5, 6; И. Т. Кругликова, Памятники эпохи бронзы из Киммерика, КСИИМК, XXIII, рис. 38, 15, 16.

¹² А. Ротаров, Inkrustierte Keramik von Belsk, ESA. IV; Е. И. Крупин, Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна реки Сунки, Сборник, вып. XVII, Москва, 1947, рис. 8, 13, 15; И. Т. Кругликова, Памятники эпохи бронзы из Киммерика, КСИИМК, XIII, рис. 38, 12.

¹³ А. Н. Рамм, Доменное производство, БСЭ, Издание II, т. 15, стр. 69.

шедшими взглядами на время появления чугуна в средние века — с другой, может быть устранено изучением материалов железообрабатывающего ремесла из других мест скифского времени. Особую роль в разрешении этого вопроса должны сыграть материалы из Пантикалея и Крыма: керченская руда залегает под поверхностью и содержит в себе значительное количество фосфора. Наличие в керченской руде фосфора дает право предположить возможность получения в древности чугуна.

М. С. Синецких

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В РАЙОНЕ с. НАДЛИМАНСКОЕ В 1956 г.

В 1954 г. разведкой Одесского государственного археологического музея вдоль восточного берега Днестра, в районе с. Надлиманское, Овидиопольского района, Одесской области, обнаружено древнее городище¹. В ноябре 1956 г. была предпринята повторная разведка с закладкой шурфов².

Село Надлиманское (ранее оно называлось Караголь или Францфельд) расположено на высоком восточном берегу Днестровского лимана, недалеко от впадения в него реки Днестр. Местность здесь снижается в сторону лимана, образуя террасы, ограниченные с боков балками-оврагами, размытыми сточными водами. Береговая линия лимана, очевидно, проходила в прошлом ближе к крутому обрывистому берегу, а теперь на берегу Днестра образовали нижнюю террасу берега. Древнее городище было расположено на площадке одного из прибрежных холмов, окруженного со всех сторон глубокими оврагами, на северо-западной окраине села. Вся площадь, занимаемая городищем в настоящее время, невелика — длина площадки 127 м, ширина (в середине) 70 м, ширина вала 9 м, ширина рва 8 м. Поверхность площадки усеяна камнями и обломками различной посуды, преимущественно фрагментами амфорных стенок. На поверхности вала видны мелкие камни. На краях площадки и в срезах обрывов, окружающих ее с трех сторон, выступают остатки каменных кладок, обломки посуды и другие предметы. Просматриваемый культурный слой составляет 0,8 м, а иногда и более. Грунт культурного слоя (в срезах обрывов и окопа) чернозем с глиной, а ниже — глина. Обследованием соседних возвышенностей и тянувшегося по ним окопа культурного слоя не зафиксировано. Изредка попадались отдельные обломки посуды.

На поселении было заложено 17 шурфов размером 1,5 на 0,7 м. Глубина шурфов от 0,3 м (там, где наталкивались на кладку) до 0,8—1,2 м. В 10 шурфах обнаружены остатки стен, сложенных из известняковых камней, положенных плашмя, размером 0,5 м × 0,3 м. В каждом шурфе найдено большое количество керамики. Преобладают обломки античной тары. Остальную керамику составляли: обломки красноглиняных тонкостенных сосудов (28), обломки чернолаковых сосудов (18), обломки лепных сосудов (19), несколько обломков кружальных тонкостенных сероглиняных и желтоглиняных сосудов, кроме того, встречены обломки (23) костей животных, обломок обработанного камня и бронзовый наконечник стрелы³.

Остановимся на описании некоторых находок.

1. Ручка с частью горла красноглиняной амфоры (инв. № 71272) IV—III вв. до н. э. Глиняная масса хорошего обжига, плотная, с небольшими вкраплениями темных светлых частиц (рис. 1, 1)⁴.

2. Ножка чернолакового канфара (инв. № 71279) конусообразной формы, характерной для канфаров эллинистического времени⁵.

3. Фрагмент чернолакового тонкостенного открытого сосуда с рельефным налепом в виде головы юноши (инв. № 71271), имеющего овальное, хорошо моделированное с правильными чертами лицо. Его обрамляют ниспадающие отдельными завитками воло-

¹ Разведка проводилась научными сотрудниками музея: Ф. С. Рудыком и И. И. Козыренко, Фонды ОГАМ, дневники раскопок, инв. № 70434.

² Разведка проводилась авторами настоящего сообщения, Фонды ОГАМ, дневник разведки, инв. № 71280.

³ Ср. И. В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья УССР, выпуск I, Киев, 1951, табл. 21, 9.

⁴ Ср. Т. Н. Книпович, Опыт характеристики городища у станции Елисаветинской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. ИГАИМК, 104, 1935, стр. 127, рис. 29.

⁵ Т. Н. Книпович, указ. соч., стр. 135, рис. 35; ИАК, вып. 35, стр. 107, рис. 13, фиг. 15; ИАК, вып. 8, стр. 36, рис. 23.